DOI 10.25991/RPH.2025.9.1.006
УДК 1(091)

А. А. Ермичёв*

ФИЛОСОФСКАЯ ДИСКУССИЯ 1947 ГОДА В СССР И ЕЕ ОТЗВУКИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ**

Предлагаемая статья является введением к републикации трех свидетельств о реакции русского зарубежья так называемой «второй волны» — (1939–1945 годов образования) на состоявшуюся в СССР летом 1947 г. философскую дискуссию по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Указывается на крайне тяжелое экономическое и военно-политическое положение СССР в послевоенные годы и на необходимость для руководства страны достичь морально-политического и идеологического единства общества, народа и власти, чтобы противостоять враждебному геополитическому окружению. Отмечается, что философская дискуссия 1947 г. была одним из элементов борьбы за названное единство.

Ключевые слова: марксистская философия. история философии, идеология, ВКП(б), журнал «Вопросы философии», русское зарубежье, Г. Ф. Александров, А. А. Жданов, И. В. Сталин, Г. Лейзеганг.

A. A. Ermichev

THE PHILOSOPHICAL DISCUSSION OF 1947 IN THE USSR AND ITS ECHOES IN RUSSIAN ABROAD

The proposed article is an introduction to the republication of three testimonies about the reaction of the Russian diaspora of the so-called “second wave” (1939–1945 years of education)

* Ермичёв Александр Александрович — д-р филос. наук, проф., 7723516@ gmail.com, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Alexander A. Ermichev — Doctor of Philology. PhD, Professor, 7723516@ gmail.com, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, lit. A, Fontanka Embankment, Saint Petersburg.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation no. 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927 /; Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky.

to the philosophical discussion held in the USSR in the summer of 1947 based on the book by G. F. Alexandrov "History of Western European Philosophy". It points to the extremely difficult economic and military-political situation of the USSR in the post-war years and the need for the country's leadership to achieve the moral, political and ideological unity of society, people and government in order to resist the hostile geopolitical environment. It is noted that the philosophical discussion of 1947 was one of the elements of the struggle for this unity.

Keywords: Marxist philosophy. the history of philosophy. VKP(b), the journal "Questions of Philosophy", Russian Abroad, G. F. Alexandrov, A. A. Zhdanov, I. V. Stalin, G. Leisegang.

«Архив русской мысли» этого номера возвращает нас к одному из странных эпизодов истории философии в СССР: к организованной высшим партийно-государственным руководством СССР дискуссии о вопросах методологии историко-философского исследования. Она состоялась в июне 1947 г. На это событие внутренней жизни СССР живо отреагировало русское зарубежье второй «волны» — 1939–1945 гг., порожденной мировыми военно-политическими катаклизмами. По множеству самых разных причин эта «волна» была в различной степени по определению активно антисоветской, склонной к разным альянсам, ассоциациям и союзам с антисоветскими и даже антирусскими силами. После 1945 г. ведущей политической организацией «второй» волны стал Национально-трудовой союз (с 1957 г. — Народно-Трудовой), только в послевоенные годы превратившийся в кадровую партию праводемократического уклона, располагавшую популярными периодическими изданиями.

К двум из них — еженедельнику «Посев» и ежемесячнику «Грани» — обращается сегодняшний «Архив русской мысли». Власовец и энтэсовец А. Светов — Беленкин-Панферов — оценивает идеологическое значение дискуссии. Другой такой же автор Н. Градобоев — Дудин — злорадствует по тому случаю, что чиновники от ВКП(б) используют марксистскую идеологию для исполнения собственных клановых целей. Наконец, содержание третьей републикации «Анкета философа» может рассматриваться как оценка теоретического качества состоявшейся дискуссии. Большая отечественная литература по истории дискуссии 1947 г. как-то миновала сюжет об отклике русского зарубежья на это событие. «Архив» надеется заполнить этот пробел.

Разумеется, на дискуссии обсуждалась марксистско-ленинская методология, а конкретнее то, как она была реализована в книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Книга Г. Ф. Александрова была не исследованием, а всего лишь учебным пособием, о чем говорил подзаголовок: «Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)». К тому же свои лекции автор рассматривал в качестве историко-философского введения в курс диалектического и исторического материализма, читаемого в этом учебном заведении. Эта книга была переизданием его же лекционного курса «Очерк истории новой философии на Западе» (М., 1939). Как бы сказали ранее, предложенный товар был залежалым.

Казалось бы, простое учебное пособие не могло стать причиной всесоюзного философского действа, но таковой причиной его стало. Будем иметь в виду одно особое обстоятельство: автором учебника был не абы кто, а начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Георгий Федорович Александров (он занимал этот пост с 1940 по 1947 г.), уже в 1946 г. удостоенный

за свое учебное пособие Сталинской премии второй степени (с денежным вознаграждением в 100 000 рублей). Об Александрове как ученом однажды высказался один из участников дискуссии 1947 г. и авторитетный историк русской философии З. А. Каменский:

«Только в сталинские и послесталинские времена можно было считаться ведущим, руководящим ученым, не будучи в строгом смысле ученым вообще… работы Г. Ф. Александрова, включая и его злополучный курс истории западноевропейской философии, были компилятивными, не являясь совершенно научными трудами…» [6, с. 124].

Читателю полезно знать, что тогда «философская наука находилась под административным и политическим контролем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» [5, с. 176]. Оно же, в свою очередь, состояло из трехсот сотрудников, которые, в частности, приглядывали за пасомыми ими преподавателями общественных наук. Конечно, читатель может думать, что если страна лежала в развалинах, а люди голодали, то думать о методологии историко-философских исследований по меньшей мере странно. Но вот, оказывается, высшее руководство СССР заинтересовано именно такими вопросами. Голова кругом идет!

Однако с удивлением мы, пожалуй. поторопились!

Во-первых, эту дискуссию мы не можем рассматривать отдельно, вне других событий идейной и культурной жизни послевоенного СССР, которые иногда зовут «идеологическими компаниями позднего сталинизма». Таких компаний было много*, а в их числе те, что упоминаются в материалах сегодняшнего «Архива». Во-вторых, мало будет вспомнить эти компании, а надо еще найти их настоящую причину.

Поиск причины возвращает нас к 1941–1945 гг., когда военными союзниками СССР были демократические государства Великобритания и Соединенные Штаты Америки. Эти страны, огражденные водой от прямого вторжения гитлеровской машины на свою территорию (и еще более ее войной на Восточном фронте против СССР), всегда имели в виду неестественность своего союза с советским государством. Оттого уже в первые часы после подписания акта о капитуляции фашистской Германии Черчилль в обращении к нации заявлял, что победа была достигнута не для того, чтобы освободить место для другого «полицейского государства» (имея в виду СССР). Уже в марте 1946 г. прозвучала его Фултонская речь. Летом 1946 г. правительство США и Англии договорились о публикации немецких дипломатических документов 1939–1941 гг., с тем чтобы представить СССР агрессором и виновником Второй мировой войны. Сделанное еще в 1945 г. предложение СССР о совместной публикации таких документов было отвергнуто.

---

* В книге «Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) — ВКП) б), ВЧК — ОГПУ — НКВД — о культурной политике 1917–1953 гг.», изданной под редакцией знаменитого академика А. Н. Яковлева в 1999 г., в седьмом разделе с названием «Расцвет идеологического диктата: июнь 1945 — март 1953» приводится 106 различных документов по этой тематике. Сравните это со временем войны. С июня 1941 по май 1945 г. таких документов было 35.

Холодная война набирала обороты, и уже с 1948 г. началась проработка оперативных планов. Недавние союзники СССР превращали политическое противостояние с ним в противостояние военно-политическое.

Ситуация складывалась хуже некуда. Страна разорена, народ устал от всего — от похоронок, смертей, болезней, напряженного труда, неустроенности жизни. А сорок шестой и сорок седьмой годы были еще и голодными. Возвращались фронтовики, повидавшие европейскую жизнь. Они вместе со всеми надеялись, что и в СССР жизнь будет получше и полегче. Рабоче-крестьянской советской интеллигенции казалось, — вспоминал К. М. Симонов, — «что должно произойти нечто, двигающее нас в сторону либерализации…» [4, с. 321]. Доверие русского народа к Советскому правительству, которое, — как говорил Сталин, — было решающей силой в победе над фашизмом, не могло быть безграничным.

Но над миром нависала новая война, и первой задачей руководства разоренной страны была мобилизация всех сил всего общества, чтобы отстоять свои национальные коммунистические интересы. Для этого следовало обеспечить армию таким оружием, которое было бы не только равноценным оружию ее врагов, но и превосходило его. Геополитика вынудила страну к строительству мощного военно-промышленного комплекса, который делал страну сверхдержавой, той сверхдержавой, которая вынудила атомную энергию работать не только в военных, но и в мирных целях, которая готовила полет Ю. Гагарина. Но пока военные расходы отнимали у страны до четверти национального дохода. Этого мало: у истории было невозможно вырвать статус сверхдержавы, если не обеспечить монолитного единства всего общества — верхов и низов, власти и общества, государства и народа. Все «идеологические компании позднего сталинизма» имели целью достижение такого единства.

Эта цель достигалась по-разному, но в нашем случае — методом «фабрикации душ», о чем написал Н. А. Бердяев:

> «История не знает настоящей литературы и искусства, которые создавались бы по директивам власти с требованием проводить в художественном творчестве определенного и при этом официального мировоззрения. Это всегда было смертельно для всякого творчества. И особенно смертельно и даже смехотворно, если вы превратите художественное творчество в утилитарное средство для построения фабрик и изготовления орудий возможной войны» [1, с. 287].

И вот уже в 1946 г. пошли одно за другим постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) — печально знаменитое о журналах «Звезда» и «Ленинград», а потом «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», а потом «О кинофильме “Большая жизнь”», а потом «О недостатках в организации производства кинофильмов» и др.

Естественно, что ЦК ВКП(б) и правительство — сторонники и творческие развиватели диалектического и исторического материализма — не могли не обратить внимание (уже в который раз) на состояние философии в СССР. Оказалось, что философская книга Г. Ф. Александрова, того человека, который стоял во главе Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), сама содержала многие теоретические недостатки и не могла быть полноценным

учебным пособием для тех советских и партийных работников, кому она предназначалась…

Первым, кто сообщил И. В. Сталину о недостатках уже захваленной и награжденной Сталинской премией книге Г. Ф. Александрова, был энтузиаст марксизма-ленинизма, профессор из Московского университета З. Я. Белецкий*, который обратил внимание на разночтения в оценках немецкой классической философии, как они даны в книге Г. Ф. Александрова и в постановлении ЦК ВКП(Б) мая 1944 г. «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX веков». Главная претензия Зиновия Яковлевича состояла в том, что книга слишком академична; она не дает партийной оценки немецкой классической философии, которая — как известно советским марксистам — была только рабской и трусливой реакцией на французскую революцию. Как в одной из своих статей предположил Е. Г. Плимак, И. В. Сталин мог понять такое разночтение в оценках немецкой философии как покушение на собственную репутацию четвертого классика марксизма**. А на с. 349 коллективной монографии «Наше отечество. Опыт политической истории» в ее втором томе сообщается, что задачи предстоящей дискуссии будто бы Сталин сам сформулировал в очень долгом телефонном разговоре с секретарем ЦК ВКП(б), редактором «Правды» П. Н. Поспеловым. Так З. Я. Белецкий невольно начал торить дорогу к дискуссии 1947 г.

Наконец событие состоялось. Собственно, дискуссий было две. Первая, в январе, прошла в Институте философии АН СССР, но содержание ее советское руководство признало неудовлетворительным. В. Д. Есаков на с. 251–257 книги «Философия не кончается. Из истории советской философии XX века. 1920–1950-е годы» (М., 1998) дает подробное описание подготовки этой дискуссии и решения об ее итогах. Вторую, в июне того же года, вел А. А. Жданов, а речь его на дискуссии была предварительно прочитана и одобрена И. В. Сталиным. Эта дискуссия, (она как раз и зовется «дискуссия 1947 года») была застенографирована и составила 571 страницу первого номера нового философского журнала «Вопросы философии».

Такой жалкой, как ее изображает Градобоев, она не была. Она была вполне в духе средней казенности. Ее главным предметом стало использование и применение принципа партийности при изложении историко-философского процесса. Как бы ни было сложно и запутано движение идей, историк-марксист всегда укажет на их классовые корни. А один из выступавших, М. Т. Иовчук, видимо, для улучшения качества советской философии сделал такое предложение:

«Необходимо, чтобы партийные органы — Управление пропаганды ЦК ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик — взяли в свои руки непосредственное теоретическое и идейно-политическое руководство научной работой

---

* Очень хорошую справку о философской позиции З. Я. Белецкого дал Ф. Кессиди в справочнике П. В. Алексеева «Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды». М., 2002. С. 100–101.

** Предположение Е. Г. Плимака (его статья «Надо основательно прочистить мозги. К 50-летию философской дискуссии 1947 года» в журнале «Вопросы философии» № 7 за 1997 г., с. 11, совершенно фантастично. Кто Сталин? И кто Александров?

философии, поручали философским работникам разрабатывать теоретические проблемы, которые имеют первостепенное значение для жизни партийных организаций и их идеологической борьбы» [2, с. 220].

Напротив, как раз объективизм автора определил основной недостаток книги: в ней

> «…главное внимание сконцентрировано не на том, что является новым и революционным в марксизме по сравнению с предыдущими философскими системами, а на том, что соединяет марксизм с развитие предшествующих философских теорий. Автор должен был показать, что открытие Маркса и Энгельса означало конец старой философии… Автор ограничил историю философским 1848 годом, т. е. указывает лишь на возникновение марксизма. Таким образом, оказалась неосвещенной столетняя история марксизма» [Там же].

Воинствующий материализм, привыкший считать себя единственной истинной философией, получил еще одно административно-организационное подтверждение.

Уже накопилась большая литература об этой дискуссии. В 1991 г. вышел шестой номер скромного издания Академии общественных наук при ЦК КПСС «Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования за 1991 г.», названный «Изживая ждановщину». Здесь, в частности, были даны интереснейшие свидетельства З. А. Каменского, З. В. Смирновой, И. К. Пантина и др. Когда в 1997 г. журнал «Вопросы философии» отмечал свое пятидесятилетие, в седьмом его номере была увлекательная статья Е. Г. Плимака «Надо основательно прочистить мозги. К 50-летию философской дискуссии 1947 года» и А. Я. Зися «У истоков журнала “Вопросы философии”»*. В первой книге сборника «Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век, 1920–1950-е годы» (М., 1998) об этой дискуссии объективно и многомерно повествуется в статьях того же А. Я. Зися, а также Г. С. Батычина, И. Ф. Девятко, В. Д. Есакова и Б. М. Кедрова. Три статьи О. Н. Корсакова и А. В. Черняева «Сто лет изучения истории русской философии в Институте философии РАН» рассматривают дискуссию 1947 г. в контексте вековой советской историографии русской философии. Они опубликованы в нашем журнале в 2021 и 2022 гг. Для развития философии в СССР эта дискуссия не имела никакого положительного значения. Согласимся со сказанным З. В. Смирновой: она, дискуссия, «была одним из мероприятий, призванных усилить идеологизацию культуры, унификацию мысли, борьбу с инакомыслием» [3, с. 31].

Далее «Архив» обращает внимание читателя на свою третью републикацию — на «Анкету философа», которая впервые появилась в журнале «Грани» еще в 1955 г. Из предисловия к этой «Анкете» читатель уже знаком с ситуацией ее появления. Главный герой дискуссии 1947 г. Г. Ф. Александров приезжает в Германскую Демократическую республику с инспекционной целью: установить

---

* А его истоки — это наша дискуссия. Хотя тогда были слухи о возможном разрешении на философский журнал и определенно уже первый выступивший в дискуссии преподаватель Ленинградского университета М. В. Эмдин говорил об «острой нужде в философском журнале для того, чтобы печатать действительно оригинальные большевистски выдержанные, глубокие по своей ленинско-сталинской идейности и научности статьи» [2, с. 12].

соответствие взглядов профессоров-философов в вузах ГДР принципиальным позициям диалектического материализма. С этой целью Г. Ф. Александров (а скорее его помошники) составили анкету-вопросник. по ответам на которые и можно было бы установить нужное соответствие. И вот случился конфуз. Философ из Иенского университета, профессор Ганс Лейзеганг (1890–1951), возможно, огорченный инспекцией Г. Ф. Александрова, сбегает в Западный Берлин, публикуя там, в университетском «Kolloguium'е» и анкету, и свои ответы на нее. Не захочет ли читатель увидеть в этих ответах своеобразную оценку теоретического содержания дискуссии? Между тем, проф. Г. Лейзеганг — автор многих книг: «Основы антропософии. Критика работ Р. Штейнера» (1922), «Греческая философия от Аристотеля до Плотина» (1922), «Формы мысли» (1928, 1951), «Религиозная философия современности» (1941), «Мысли Гёте» (1932), «Данте и христианская картина мира» (1942), «Гнозис» (1953) и др. По политическим мотивам он был уволен из Иенского университета первый раз в 1934 г. (и восстановился только в 1945 г.), а второй раз — в 1948 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Пролегомены к критике Откровения. СПб: РХГИ, 1996. 383 с.
2. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропеейской философии» 16–25 июня 1947 г. // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 5–571.
3. Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Выпуск VI. Изживая «ждановщину». М.: АОН при ЦК КПСС, 1991.
4. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления об И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. 435 с.
5. Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век, 1920–1950-е годы: сборник статей: в 2 т. / ред., сост., примеч. В. А. Лекторский. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1998.
6. Шарапов Ю. П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1931–1941). М.: «Аиро-XX», 1995. 205 с.

REFERENCES

1. Berdyaev, N. A. Istina i otkrovenije. Prolegomeny k kritike Otkrovenija [Truth and revelation. Prolegomena to criticism. Revelations[. Saint Petersburg, RHGI, 1996 (in Russian).
2. Diskussija po knige G. F. Aleksandrova "Istorija zapadnoevropejskoj filosofii" 16–25 ijun'a 1947 g. [Discussion on the book by G. F. Alexandrov "History of Western European Philosophy" June 16–25, 1947]. In: *Questions of philosophy,* 1997, no. 1, pp. 5–571 (in Russian).
3. Kamensky, Z. A. Filosofskaja diskussija 1947 goda (preimuschestvenno po lichnym vospominanijam [Philosophical discussion of 1947 (mainly based on personal memories)]. In: *Otechestvennaja filisofija: opyt, problemy, orientiry issledovanija*Russian philosophy: experience, problems, research guidelines., Iissue 6., *Izshivaja zshdanovschinu* [Outliving Zhdanovism[.

Moscow:, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU., 1991 (in Russian).

4. Simonov, K. M. Glazami cheloveka mojego pokolenija, Razmushlenija ob I. V. Staline [Through the eyes of a man of my generation[. Moscow:, 1990 (in Russian).

5. *Filosofija ne konchaets'z… Iz istorii otechestvennoj filosofii. XX vek, 1920–1950-e gody* [Philosophy does not end… From the history of Russian philosophy. XX century, 1920–1950s., vol. 1[. Moscow, ROSSPEN, 1998 (in Russian).

6. Sharapov, Yu. P. *Licej v Sokol'niksah. Ocherk istorii IFLI–Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury imeni N. G. Chernyshevskogo (1931–1941)* [Lyceum in Sokolniki. An essay on the history of the IFLI–Moscow Institute of History, Philosophy and Literature named after N. G. Chernyshevsky (1931–1941)[. Moskow, "Airo-XX", 1995 (in Russian).

А. Светов

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ БАНКРОТСТВО

За полицейским погромом прошлого года на фронте советской литературы и искусства[1] следует сейчас новый погром на фронте марксистской философии, т. е. уже в «святая святых» большевизма.

В № 21 «Правды» от 24 августа 1947 года П. Юдин[2] пишет: «То обстоятельство, что потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично тов. Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги (Г. Ф. Александрова)[3], означает, что на философском фронте отсутствует развернутая большевистская критика и самокритика».

Таким образом, и на фронте марксисткой философии тоже неблагополучно. На этот раз обстрелу подвергается книга Г. Ф. Александрова: «История западноевропейской философии».

«Если вышло так, — говорит Жданов[4], — что книга тов. Александрова получила признание у большинства наших руководящих философских работников… и вызвала многочисленные хвалебные рецензии, то это означает, что и другие философские работники, очевидно, разделяют ошибки т. Александрова. А это говорит о серьезном неблагополучии на нашем теоретическом фронте».

Все эти признания чрезвычайно характерны. В чем же сущность ошибок Александрова, которые вызывают гневную отповедь Жданова и потребовали даже личного вмешательства Сталина?

Цитируем дальше по статье из журнала «Вопросы философии» (П. Юдина)[5]: «Философы отстали от требований партии. Видимо, они не замечают фактов беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов